

Пянкевич Владимир Леонидович
д.и.н., ведущий научный сотрудник Лаборатории
«История блокады Ленинграда» СПбИИ РАН

Продавцы и покупатели блокадного Ленинграда

Возникший с самого начала войны ажиотажный спрос, затем колоссальный дефицит продовольствия и, наконец, голод изменили статус работников магазинов и предприятий общественного питания в восприятии ленинградцев. Появились «хлебные короли». Жизненно-необходимые большинству продуктовые карточки были им не нужны. Эти люди не нуждались и в деньгах.

Лица, формы, одеяния «бесящихся с жиру» работников прилавка, с «золотыми часами, кольцами, браслетами на руках», «в камнях», «разодетых в шелка и бархат», «в модных туфлях», озадачивали и возмущали. Контраст с дистрофическими фигурами, лицами большинства изможденных ленинградцев шокировал, приводил в смятение.

Антитезой исключительно отрицательному «жирному» работнику торговли и общепита была фигура дистрофика. Однако предельно истощенные люди вовсе не воспринимались положительно. Войдя в бытовой тезаурус, слово «дистрофик» приобрело негативную коннотацию, стало бранным. Обе полярные фигуры пространства блокады Ленинграда — «жирные» и «дистрофики» — вызывали негативное отношение и сильные отрицательные эмоции. Причем к первым относились в конечном итоге лучше, чем ко вторым.

«Жирные» «продовольственники» были главными потребителями вещей и ценностей, предлагавшихся голодными в обмен на продукты. Ненавидя и проклиная спекулянтов, имевшие средства и вещи настойчиво искали встречи с людьми, близкими к продовольствию, стремились завязать с ними знакомство.

Многие блокадники не задумывались или не хотели задумываться о преступном происхождении приобретаемых продуктов. Тревожно не бедственное положение незнакомых, по сути, абстрактных людей, у которых пища была украдена, но смерть близких и собственный мучительный уход из жизни от голода.

Истоки ненависти к блокадным «продовольственникам» состоял и в традиционном неприятии обогащения за счет безвыходного положения ближнего. Бросавшееся в глаза неравенство было знаком переоценки, разделявшей людей на сытых и голодных, успешных и неудачников, «виновных» в своем положении. Это противоречило этическим, идейно-политическим установкам многих горожан.

Обмен ценных вещей на крохи продовольствия или покупка пищи по «мародерским» ценам рассматривалась как «большая удача», «счастливый случай», «исключительное везение», «страшная радость», «счастье». Пища спасала от смерти, давала шанс на жизнь.

Нечистых на руку работников магазинов, столовых, продовольственных баз, спекулянтов, блокадникам «хотелось убить», их призывали «гнать», «уничтожать», «расстреливать». Однако под давлением обстоятельств тот, кто призывал «расстреливать», порой вынужден был согласиться с существованием блокадных коммерсантов, а их деятельность признать необходимой и даже полезной. Даже годы спустя получавшие пищу за свои вещи были благодарны своим «спасителям». Да они и сами порой считали себя таковыми.